

После смерти бабушки Хоу эта мысль глубоко укоренилась в сердцах братьев. Они ненавидели Хоу Дэляна за его эгоизм и жестокость, но ещё больше ненавидели себя за свою беспомощность. Это был их внутренний узел, и если бы они позволили ему разрастаться, ситуация, описанная в сюжете, непременно повторилась бы.

— Самым большим желанием бабушки Хоу было увидеть, как вы станете успешными. Но посмотрите, что вы сейчас делаете. Ослеплённые ненавистью, вы предали её мечты. Если это то, что вы называете искуплением и освобождением, то надеюсь, что в своих снах вы сможете смотреть ей в глаза и рассказывать о своих планах.

— Я не могу вас спасти. Впредь не ищите меня.

С этими словами Цзян Ю повернулся и направился к двери, не оглядываясь на ошеломлённых братьев Хоу.

После его ухода в доме Хоу воцарилась мёртвая тишина. Глаза Хоу Чжюаня были красными от слёз, и Хоу Чжиган был не лучше.

Спустя долгое время Хоу Чжюань резко вытер глаза, твёрдо посмотрел на стену с грамотами, затем схватил Хоу Чжигана и повёл его в комнату, где раньше жила бабушка. Они опустились на колени перед её портретом и трижды поклонились, ударившись лбами о пол. Глядя на улыбающееся лицо на фотографии, Хоу Чжюань сдержал слёзы, словно наконец освободился от каких-то оков, и, схватив брата за руку, быстро побежал за Цзян Ю.

Со дня смерти бабушки никто не интересовался их судьбой, никто не спрашивал, как они живут, какой путь выберут, несут ли на своих плечах невыносимую тяжесть. Никто не говорил им, что делать, никто не показывал, куда идти. Им приходилось самим прокладывать путь, даже если он был полон шипов, смерти и отчаяния. У них не было выбора.

И вот теперь кто-то протянул им руку, желая вытащить их из трясины, зажечь свет в бесконечной тьме. Как же они могли быть такими неблагодарными! Старший был прав, они не должны предавать его доброту и не должны предавать последнюю волю бабушки. Они не могут ради негодяя гнить в грязи всю жизнь.

Когда братья Хоу, запыхавшись, снова появились перед Цзян Ю, он стоял, засунув руки в карманы, прислонившись к стене у входа в переулок, словно ждал их уже давно.

Увидев его взгляд, братья почувствовали себя неловко, но в то же время искренне обрадовались. Хоу Чжюань, тяжело дыша, сказал с невиданной ранее решимостью:

— Старший, мы хотим учиться.

Цзян Ю поднял бровь, переведя взгляд на Хоу Чжигана, который стоял позади. Тот также серьёзно кивнул:

— Брат Ян, мы хотим вернуться в школу. Мы хотим показать бабушке, что её внуки — не трусы!

— Решили? — спросил Цзян Ю.

Братья дружно кивнули.

— Не будете мстить? — продолжил он.

На этот раз лица братьев выразили сомнение. Они долго боролись с собой, но так и не смогли согласиться. Отказаться от мести они не могли. Хоу Дэлян был убийцей их бабушки, и они никогда не простят его.

Когда братья уже готовились к тому, что Цзян Ю их отругает, они услышали тихий смешок, а затем спокойный голос своего старшего:

— Я никогда не говорил вам отказаться от мести. Просто есть много способов сделать жизнь человека невыносимой, а вы выбрали самый глупый.

Братья Хоу были поражены, как будто их ударило молнией, и застыли на месте.

На следующее утро после того как Цзян Ю устроил братьев Хоу, в его доме раздался стук в дверь.

Открыв дверь, он увидел пару элегантно одетых мужчину и женщину средних лет, за которыми стояли двое мужчин, похожих на телохранителей. Это были биологические родители Цзян Ю, Цзян Чжэнь и Тан Сяосяо.

Они были так похожи. Едва увидев лицо Цзян Ю, Цзян Чжэнь и Тан Сяосяо сразу же поняли, что этот красивый юноша — их родной сын. Глаза Тан Сяосяо мгновенно наполнились слезами, и она, не в силах сдержать эмоций, протянула руки, чтобы обнять стройного и изящного юношу.

Однако её руки не успели коснуться его одежды, как он отпрянул. Тан Сяосяо смутилась, ей пришлось убрать руки и притвориться, что она поправляет волосы, чтобы скрыть свою неловкость. Цзян Чжэнь, наблюдая за этим, слегка кашлянул, сдерживая волнение, и вежливо спросил:

— Здравствуйте, вы Юань Иян?

Увидев манеры Цзян Чжэнь и Тан Сяосяо, Цзян Ю не удивился, но сделал вид, что поражён, и в его глазах мелькнула настороженность, когда он оглядел супружескую пару:

— Кто вы?

Цзян Чжэнь и Тан Сяосяо, много лет вращавшиеся в деловых кругах, видели разных людей, и они не могли не заметить настороженность в глазах Цзян Ю. Однако вместо того чтобы чувствовать себя оскорблёнными, они были переполнены жалостью. По внешнему виду юноши и убогой обстановке в его комнате было видно, что он жил нелегко.

Глядя на его настороженный взгляд, они понимали, что этот парень прошёл через многое. Вспомнив информацию, которую они получили перед приездом, Цзян Чжэнь и Тан Сяосяо почувствовали горечь. Это был их ребёнок, их родной сын, который жил в таких условиях восемнадцать лет. Как же они могли не страдать!

Думая об этом, Тан Сяосяо больше не могла сдерживать слёзы. Цзян Чжэнь тоже был расстроен. Возможно, кровные узы — это что-то удивительное. Даже если они никогда не видели этого ребёнка раньше, теперь, увидев его, они чувствовали, что хотят быть ближе к нему, хотят заботиться о нём.

На мгновение Цзян Чжэнь и Тан Сяосяо потеряли самообладание, и только Цзян Ю сохранял внешнее спокойствие, хотя внутри он чувствовал иронию. Ему было трудно поверить, что

именно эта пара в конечном итоге совершит такие жестокие поступки. По мнению Цзян Ю, люди, которые силой вытаскивают кого-то из тьмы, осыпают его любовью, а затем, потеряв интерес, снова бросают в бездну, были даже хуже, чем коварный Цзян Ци.

Цзян Чжэнь, сдерживая эмоции, с трудом улыбнулся и сказал Цзян Ю:

— Меня зовут Цзян Чжэнь, а это моя жена Тан Сяосяо. Мы пришли, чтобы обсудить с вами очень важное дело. Не могли бы вы нас впустить?

Цзян Ю сделал вид, что задумался, и наконец кивнул, впустив их в дом.

Тан Сяосяо, войдя в дом, сразу же начала осматриваться. Увидев тесную комнату и убогую обстановку, она снова не смогла сдержать слёз.

Цзян Чжэнь утешительно похлопал её по плечу, помог сесть на единственный маленький диван и, глядя на Цзян Ю, который налил им воды, с трудом подбирая слова.

— Иян, думаю, вы, должно быть, удивлены, кто мы такие. То, что я сейчас скажу, может быть для вас шокирующим, но, пожалуйста, поверьте, мы говорим правду. Не волнуйтесь, хорошо?

Цзян Чжэнь прочистил горло, первым нарушив тишину.

Цзян Ю молча кивнул, демонстрируя пример молчаливости, что заставило Цзян Чжэня снова почувствовать боль. Он глубоко вздохнул и взял документы, которые ему передал телохранитель, разложив их на узком столе:

— Иян, мы твои родные родители.

Цзян Чжэнь ясно видел, как зрачки юноши расширились, и он застыл на месте. Ему было тяжело, но в то же время он чувствовал волнение. Он редко терял самообладание, но сейчас его слова были сбивчивы:

— Сынок, ты столько страдал. Это наша вина, что ты перенёс столько боли...

<http://bllate.org/book/16238/1459591>